

УДК 355.48:341.321.4:39

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ И СЮЖЕТЫ
В УСТНЫХ НАРРАТИВАХ О «СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ»**

Лицарева А.Ф.

В статье приводятся записанные в рамках интервьюирования воспоминания о Великой Отечественной войне, в которых отражены как трагические, так и комические моменты, а также находчивость, детская непосредственность, искренность переживаний. Данные тексты записаны как со слов участников войны, так и их потомков в рамках семейных преданий. Свидетели войны – люди разного возраста, социального статуса, проживавшие в сельской и городской местности (преимущественно жители деревень): одни поделились самыми яркими детскими воспоминаниями, другие работали в тылу или воевали на фронте. Представленные тексты дают возможность увидеть восприятие войны современной молодежью, живущей в мирное время, транслирующей воспоминания своих родственников иногда уже со своей оценкой того времени или тех событий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, устные рассказы, фольклорные мотивы и сюжеты, трагическое, комическое.

**FOLKLORE MOTIFS AND PLOTS
IN ORAL NARRATIVES ABOUT THE “HOLY WAR”**

Litsareva A.F.

The paper contains the memories of the Great Patriotic War recorded during the interview which reflect both tragic and comic moments, as well as resourcefulness, childlike spontaneity, and the sincerity of experiences. These texts are recorded both from the participants of the war and from their descendants within the framework of family traditions. The witnesses of the war are people of different ages and social status, who lived in rural and urban areas (mainly residents of villages), some shared the most vivid childhood memories, others have worked in the rear, or fought at the front. Submitted texts provide an opportunity to see the perception of the war by modern

youth living in peacetime, broadcasting the memories of their relatives, sometimes with their own assessment of that time or those events.

Keywords: the Great Patriotic War, oral stories, folklore motifs and plots, tragic, comic.

Устные рассказы о войне интересуют исследователей, в том числе историков и фольклористов, не один десяток лет. Респонденты зачастую воспринимают такие рассказы не только как личное или семейное воспоминание, но и как часть истории народа, свидетельство о том времени. «Большой частью память фиксирует не фактическую сторону исторических событий и ситуаций, но особенную реакцию на них и ассоциированные с последней специфические бытовые обстоятельства» [4, с. 307].

Из большого архива записей рассказов о военном времени нами выбраны тексты, в которых отражено личностное отношение рассказчика к войне. Это воспоминания о зверствах захватчиков и так называемых «добрых» немцах, а также тексты о смекалке и превосходстве над врагом благодаря ментальным способностям. Помимо воспоминаний участников войны в подборку включены несколько нарративов о войне в пересказе внуков (семейные предания – перспективное направление исследований в связи с уходом из жизни свидетелей военных событий). Опубликованные в статье материалы показывают, как меняется сам текст (отсутствуют многие детали, могут быть опущены топонимы, рассказ не всегда эмоционален, может присутствовать молодежный сленг, в том числе в оценке событий). «Метод устной истории открывает нам возможность обратиться к памяти детей военного времени... Нужно заметить, что многие респонденты с трудом идут на разговор о войне, эти воспоминания до сих пор психологически травмируют людей» [6, с. 3].

Записаны данные тексты в разных регионах: Москва, Московская, Смоленская, Калужская, Ростовская, Архангельская области. Поэтому такие тексты содержат как воспоминания людей, бывших в оккупации или угнанных в Германию, так и живших на территории, не занятой врагом. В них отражается

разное отношение захватчиков к местному населению, проживавшему как в приграничных районах, так и на Дону, где немцы надеялись на проявление недовольства казаков советской властью. Все воспоминания объединяет живость (например, известия о начале войны или каком-либо важном событии) и патриотический настрой. Нами сохранены особенности речи респондентов, в том числе фонетические и диалектные.

В наши дни исследователи обращаются к устным нарративам о войне не только как к источнику информации о военной стороне вопроса и о быте, но и изучая мотивы вещего сна, чуда, рассматривая приметы, поверья, систему запретов, бытовавших в военное время как на фронте, так и в тылу. Ведь неслучайно, что «именно бытовые суеверия становятся преобладающей формой бытового религиозного сознания и играют большую роль в жизни военнослужащих по сравнению с гражданским населением» [5, с. 242].

Записи воспоминаний о войне послужили источником анализа их коммуникативной составляющей [1], представлений о категории чуда в военное время [2], а также системы примет, поверий, запретов среди гражданского и военного населения [3].

Меморат о зверствах врага

– *А были случаи про «добрых» немцев? Или когда свои оказывались хуже врага?*

– Вот мама рассказывала. Её потом отпускали по ранению. А так потом всю жизнь жила с осколком в ноге. Мама рассказывала, что в наступлении, когда занимают территорию, то первые немцы – это **чернорубашечники, эсэсовцы**, они делают зачистку. Вот эти – без разбора: маленьких... Так вот идут: ды-ды-ды (показывает руками расстрел направо и налево). Женщин, детей – кого угодно! Они просто идут вот так вот... А когда идут войска – обычные солдаты, то всякие бывают. Бывают и садисты, бывают злые, бывают всякие. А бывают – и куском хлеба и вообще, чем угодно поделятся с ребёнком, с женщинами. Даже очень многие подкармливали, немцы подкармливали наших.

Ну, это везде было.

У меня вот, когда мы жили с мужем в Тюмени, там белоруска Маша была. Это казалось, что весело. А как считаешь – грустно. Она сама с 41-го года. Ей, наверное, было года два или полтора, и у них в хате в Белоруссии остановились немцы. Обыкновенные немцы. И она говорит, что подкармливали. У её матери было шесть человек детей. Ну, они, конечно, съедят там и сало, и яйца, если есть. Но и свои давали – галеты, сладости какие-нибудь. Они делились и с населением. Маша говорит: она маленькая была. Плакала-плакала, плакала-плакала. Немец: «Матка, успокой киндера! Матка, успокой киндера». Ну, она, видимо, ещё и простуженная была. Болела. **Взял её и в окно выкинул.** Так вот. Хорошо, соседка проходила, взяла её... Эту вот, её мать, не выпускает: мешает, мол. **Хорошо: соседка в это время из снега Машу вытащила,** к себе забрала.

У меня до войны в Бресте свекровь – это был её первый брак. Свёкор – это второй брак. А первый у неё с офицером. И она говорит, ничего понять не могли. Обычно экипировка у солдат не очень-то была хорошая. Тут где-то примерно за неделю до начала войны, мы идём. И по посёлку по этому, смотрим, до того хорошо экипированные солдаты едут. Велосипедики блестят, форма вся блестит. Они ж не знают весь гарнизон в лицо, где что – просто видят: хорошо экипированные солдаты. Надо же! наших солдат стали одевать! Экипировка – советская форма. А это были немцы. Ну, как вот они поговорили с подружкой... И так вот они несколько дней наблюдали это. **Это по нашей территории уже ездили немцы без войны.** Это ещё не было войны. Это где-то за неделю до войны. Если война была 22 июня, то это, значит, где-то в начале июня. Потом, это было воскресенье, муж пришёл и говорит:

– В общем, весь гарнизон уходит на передислокацию. На учения.

– А как же все вот тут на границе остаётся одни?

– Ничего страшного: пакт о ненападении, ничего не бойтесь! Все войска эти вывели куда-то. Ну, и они вот в это время уехали.

Он ушёл, потом вернулся, что-то забыл. Она говорит: «А у меня вот сердце ноет: я вот чувствую, что-то случится. Предсказывало, что я больше его не увижу.

«Не уходи, не уходи!». Он говорит: «Не могу». Осталось человек тридцать солдат – остальные все ушли. На учения.

Они остались неприкрытые. Там же Брест – горы. Они остались в посёлке – одни женщины и дети. Ей самой двадцать с лишним лет не было. Она говорит: «А мы с подружкой в соседнее село ходили за молоком». Детей у неё не было: ей самой было 19. И, говорит, идём и смотрим: танки идут, идут, идут. «Ты смотри! Прямо немцы – так одеты!» И потом смотрим, летят самолёты. Она говорит: «Мы ничего понять не можем». Они на них пикируют и ржут. Ни свастики, ни чего. Вообще на самолётах никаких опознавательных знаков нет. Она говорит: «Мы решили, что это наши самолёты». Просто пикируют, то есть низко опускаются и ржут. Немцы – ну они в улыбке рот растягивают. Ты не услышишь, когда самолёт летит. Они **над ними озоровали просто.** Они на них летят, прямо спускаются, и лица видно: они смеются. «Ну, – говорит, – попадёт им: начальство увидит». А потом начали стрелять. Они просто зарылись в стог. Задницы торчат – голова в соломе этой самой. Ну, они особо в них и не целились. Они поразвлекались и улетели. «Мы, – говорит, – взяли молока, пришли в посёлок». И тут, говорит, началось, начали бомбить. Вот такое вот!

Когда она шла из Бреста! Они прорвались! Не все, конечно. Она домой явилась вся седая, девятнадцатилетняя вся белая. Говорит: «**Когда шли через Смоленск, видели повешенных женщин, повешенных детей. Танки вот так вот разрывали девушек**» (показывает на руках: два танка в разные стороны – А.Л.). В разные стороны. «Долго, – она говорит, – мы пробирались. Шли ночами. Много погибло. Много в плен взяли». Сюда пришла, в Москву. Родители здесь были. Она пришла седая. Вот всё, что знаю. Было предательство, да. Свекровь – Тамара. А моя мама – Мария.

Да, то общеизвестный факт, что разъезжали: было предательство.

Это она мне говорила. А я раньше, не знаю, почему, девочка была молоденькая, читала очень много. Надо мною всегда библиотекаряша потешалась: «Галя, ты девочка молоденькая (14 лет – 15), тебе про любовь читать надо». Всё время в библиотеке читала книги из серии «Жизнь замечательных людей» про

писателей, художников... Их биография почему-то меня захватывала... и война. И вот я книги про войну читала. И я точно так же читала, в какой-то книге я читала, уже не помню, что в Белоруссии в лесу была поляна. Вот до войны, где-то тоже за неделю до войны, оборудованная под посадку самолёта. Аэродром. И ещё наши, когда стали выяснять, что это такое, сказали, что соседний... кто тогда был? Сельсовет или администрация сельского совета здесь будут делать стадион. А это **было предательство**. И это оборудовали посадку для взлётно-посадочных работ, для самолётов. Так что всё не так просто. Герои героями, но предатели были. Меньше бы людей погибло, если бы не было предателей. Я когда в Хатыни была – с экскурсией ездили – там очень много народу погибло. А что касается «хохлов», там очень много предателей. Очень много. Я вот даже знаю у знакомой девчонки, у одной, отец после войны, сам сдался в плен. А потом из плена ни дня не воевал... Она говорит: «Я в таком ужасе росла. Отец виноват, а нас никуда – ни учиться никуда, в школе всё время дразнили». А он в это время в Сибири отбывал срок.

Силецкая Галина Петровна. Дежурная 7 этажа студенческого общежития МГУ ДСВ. Москва. Запись сделана 17 февраля 2010 г. Личный архив автора.

Меморат о «добрых» немцах

Мне было 5 лет, когда началась война. Считаю, что сам человек себе делает судьбу.

Деревня Машкино в Кардымовском районе Смоленской области, километров пять от Соловьёвской переправы, наша деревня была западнее... Начали всех из домов выгонять, сжигали все дома, нас всех в кучу и согнали за деревню, потом люди возвращались обратно в деревню, только трубы обгорелые и какие животные домашние были...

Рассказов о «добрых» немцах я не знаю, а вот немцев знаю. У нас сгорело две хаты. Мы ушли в другую деревню, где дедушка у нас жил, вырыли там землянку и у него кантовались. Нас у неё пятеро детей. Одна мать – и всё. И дед помогал, сколько мог. Так вот там стояло какое-то тыловое подразделение, возле

дома где-то. Там немцы были не то, чтобы очень нахальные: не угрожали оружием, детей не били. Наоборот: «Киндер, ком, ком». Показывают: «Давай котелок – налью тебе супу». Или ещё чего-нибудь. Не все, видимо, там были фашисты. Потом эти ушли – пришли финны, вот финны были жестокие. Появлялись там казаки – казаки тоже вели себя там нагло, нахально. Они в основном там женщин насиловали, грабили.

Менченков Пётр Дмитриевич, учитель ОБЖ школы № 15 г. Смоленска. Ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС. Запись 2010 г. Личный архив автора.

Меморат о «добрых» немцах

На расстрел повели 5 человек – семья. Задание: расстрелять. Подвёл их немец к оврагу и показал фотографию своей семьи. Сказал: «Я буду стрелять, а вы падайте». Стал стрелять в воздух. Люди попадали, покатались в овраг, а ночью уползли.

Бабушка рассказывала: в Сафоновском районе в деревне Борятино сгоняли население из Залазно, Власовки, Дроновки. Старых сжигали в доме, молодых расстреливали. Три человека, бабушка их знает, раненые лежали день в куче расстрелянных, а ночью уползли.

Немцы угнали людей в Белоруссию. Мать заболела тифом и умерла. Маленькие дети заходили на порог дома немцев и смотрели, как те едят. Немцы давали еду. Одних, без взрослых, щадили.

Кучерявенкова Юлия Николаевна, 1986 г. р. Родилась в Сафоновском районе Смоленской области. Среднее профессиональное образование. Медсестра в детском саду Москвы. Рассказы бабушки – Кондратовой Александры Ивановны, 1931 г.р. Личный архив автора.

Меморат о «добрых» немцах

Жили, значит, моя прабабка, и две бабушки. Ну, деревня была в лесах. Постепенно туда то немцы приходили, то наши. И в один прекрасный день пришли туда немцы. Мою прабабушку с бабушкой выселили в коридор, предбанник, потому что изба была большая. А сами поселились там. Ну, кантовались, как могли. Еды, конечно, было мало. Ну, она там поставила муку

последнюю делать хлеб. Вот, собственно, последние запасы их еды. Поэтому оставлять их было нехорошо. Когда немцы ушли, они остались в избе. Тут один из немцев прибегает и говорит: «Так и так». Тычет в небо: сейчас будут самолёты. Моя прабабка говорит: «Ну, куда же мы пойдём сейчас? Хлеб уже там почти дошёл. У меня двое детей. Нам с ними есть нечего». Немец говорит: «Иди, иди! У меня тоже киндеры есть». Бабушка потом всё повторяла: «Киндеры, киндеры». Ну, прабабушка, недолго думая, детей под мышку, а этот остался. Он дождался, пока хлеб сделается. И вот он выбежал из деревни, не из избы уже, а из деревни, и буквально через 30 секунд немцы радостно сбросили на неё мины. Область Тверская, название деревни не помню, у меня где-то записано.

Ещё знаю одну историю **про «доброего» немца**, если тебе нужно. Это сосед вернулся, воевал на войне и рассказывал. Отступали, наступали немцы. Солдаты отступали, а женщины всякие, дети как бы отступали пораньше. Но некоторые не успели отойти, потому что не очень понимали, что происходит. И сосед остался в окопе выгонять оставшихся. И тут выбегает немец. У него в руках что-то круглое. Сосед думает: «До свиданья, до свиданья, жизнь!» И этот немец вбегает. Он уже собирается пулемёт ему на изготовку. А немец бросил ему котлеты. Бросил эти котлеты и убежал. Вот ещё одна история про «доброего» немца.

Это был налёт. Видимо, они по домам пробежали предыдущим. Что было, схватили. И этот мужчина собирается его делать пиф-паф. Он быстро вприпрыжку старательно убегает, чтоб никто не заметил.

Чванова Евгения Владимировна, 1992 г.р., выпускница филологического факультета МГУ. Запись 2011 г. Личный архив автора.

Повествования о смекалке советского человека

Меморат о том, как девушка варила немцу еду

Варила немцу макароны. Мене ж оставил. Я не знала, сколько. Я ж нигде поваром не работала тогда (в числе послевоенных профессий Зинаиды Яковлевны значится работа поваром. – *А.Л.*). Дома ж варили похлёбку в чугунах, да печку ж топили. Ни газу не было, ни плиток таких не было. Вот. Печка – да и всё.

А тут собирается. Лук чистили, резали, добавляли там, морковку мыть. А то ножиком мелко порежет. А сколько засыпал? Принесёт – и сразу сыплёт. Я не обращала внимания. А тут захотелось ему на фронт съездить. Это в Бетлице.

Я ж в Садовище ещё в батькином доме жила. Это ж я после войны выстроила. В 56-ом родила Людку, получила декретные. Лес клеймили – вывозили сюда, а то ж ничёго не было. Бетлицу после войны построили. А тут лес был. Грибы собирали. Ну вот, ничего ж не знала, а он говорит: «Сваришь суп! Ну, свари!» Кастрюля большая. Тушёнки банку принёс. У кладовку ключ отставил. Иди в кладовку – бери. Но я не одна была. И там Аня. Я говорю: «Ань, сколько?» Аня – женщина была. У неё ребёнок пяти лет. Там ей дали комнату. Девочку Валею звали. Валя живая, только она в Риге живёт сейчас.

Я говорю: «Ань, сколько?» А она: «А чёрт его знает, сколько». Ну, я пошла, принесла. Наломали, засыпали. Ой, распёрло! Ну, это ж как каша. Ещё он не разварился дюже, а уж напёрло. Ну, я говорю: «Всё!» А вода стояла. Бульон стоял, там кости обваливали – и тушёнка. Так что они хорошо питались. Вот, и я в ведро наливаю. Говорю: «Иди, посмотри. Никого нету?» Немцев не было никого – все уехавши были. А наши жители ходили тут, с посёлка таскались по Бетлице. Скажут: «Что она тама?» Я говорю: «Иди, посмотри!» Лопаты взяли – выкопали за уборной. Снесли, вылили, закопали. А сюда прихожу – бульон слила, ещё воды долила. Его ж варить много нельзя. Заправила. Приехал. Ага. «Гуд шнейц. Вкусно». А потом уж молчу, молчу, думаю, сразу не буду говорить. Неужели он не понял, что столько я выгрузила. Там же у их всё в ящиках было. Потом опять собирается.

– Не, – говорю, – Алберт. Поставь мне, сколько варить, а то я не знаю.

– Ты ж варила.

Я говорю:

– Варила, и боялась. Ну, признаться боялась, что сварила. Вот так-то, дочь.

Ой, Господи! Как вспомнишь!

Гурова (дев. Савкина) Зинаида Яковлевна. 1924 г.р. Родилась в д. Садовище, 6 классов. В годы войны была угнана в Германию, где полюбилась хозяйке за

хорошую работу. Сейчас живёт в п. Бетлица Куйбышевского района Калужской области. Запись сделана А.Ф. Балашовой в 2008 г. во время фольклорной экспедиции филологического факультета МГУ под руководством Л.Ф. Миронихиной.

Меморат о том, как перехитрили врага

Вот, значит, бабушка рассказывала. Наша деревня Пяцкое. Она находилась на центральной дороге на Монастырщину – такой центральный посёлок. Была большая деревня Соболево. Большая деревня, в которой под дубом сидел сам Наполеон. Вот. И от этой деревни шла, значит, дорога на Шанталово и на Тютюково – две деревни, а Пяцкое было между ними. Маленькая деревня. И туда немцы довольно редко заезжали. Не стояли... Никаких. У нас в деревне был один полицейский. Как их называли? Полицай. Полицаем называли. Кто-то из местных, который там работы какие-то говорил. Ну а иногда, несколько раз, они приезжали по хозяйству – отовариться: курочек там, яйца забрать и поросят. И вот в деревне там раз отец прибегает: «Ой, немцы едут! Тут же в сарай давай!» И поросёнок тут же сидит. Там у него отходы всего. И он тут свою жижу, кашницу руками – всего его обмазал, обмазал. А у мамы такой **справненький поросёночек** был, хорошенький. И вот тут **его всего-всего повымазали в жижу**. Стоит. Немцы заходят: «Ой, ой, швайн, швах, швах!» И всё – пошли. «Них – них». И так они **спасли этого поросёнка**. Очень у многих позабрали. Это мамин отец, дедушка уже мой. Он в 43-м пошёл воевать. Сразу как освободили. Поэтому он всю войну был... Видимо, не всех забирали. Я даже не знаю, почему. Может, не всех забирали, может, по очередности. Может, его не забирали, что... Что-то у меня сейчас нестыковка. Наверно, его раньше забрали. Его забрали в 43-м не после как освобождение. Потому что, как мама рассказывала... Ну, это, может быть, и сорок первый, и сорок второй – она не помнит.

Меркушева Галина Васильевна, 1959 г. р., высшее образование, Смоленск, воспоминания своей матери Анны Егоровны. Запись 2010 г. Личный архив автора.

Меморат о том, как перехитрили врага

У меня мать рассказывала. У ней корова была. А немцы не взяли. Я говорю: «Почему?» «Я, – говорит, – её намажу всю углями чёрными и всю лохматую сделаю». Они придут, глянут... (смеётся) «Нихт гут, нихт гут» – плохая. А наши пришли – сразу увели, зарезали, съели. Вот мать говорит: «Немцы почти всю зиму стояли – и не взяли. А наши – сразу». Тоже – и снабжение так... другой раз...

Лобачёв Николай Петрович 1925 (1924: приписал год) г.р. Родился в поселке Лотошино. Запись сделана в июне 2012 г. в поселке Лотошино Лотошинского района Московской области. Личный архив автора.

Меморат о том, как девушка «перетанцевала» врага

Играли в «Золото»: «Золото хороню, хороню». Берётся колечко или какая там вещь. Сидят все кругом. Садимся кругом все. Девчонки, ребята, выходит одна и поёт. Все поют:

*Уж я золото хороню-хороню,
Чисто серебро перхораниваю.
Гадай-гадай, девица,
Отгадай, красавица,
Через поле едучи,
Русу косу плетучи.
Шёлком первиваючи.
Златом посыпаючи.
Ой, вы, девушки, вы, голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Моё золото отдайте,
А я вас зову!*

И тот, у кого это «золото», поднимается, выходит, тогда он берёт это «золото», начинает ходить, танцевать. Вот это «Золото».

Молодые мы, 18, 17, 16. Молодёжь. Собирались.

А вот вошёл туда немец и говорит: «Кто меня перетанцует, если меня перетанцуете, – полицейский, наш, раздорский же он, – если вы меня

перетанцуете, разрешу вам тогда вечер до 11, до 12 тогда ночи». А потом же всем расходиться надо. А ночью-то нельзя ходить. Значит, остаёмся все тут ночевать. Значит, и родители тут те, у кого мы. И мы танцуем. Кто танцует? Я танцора такая заядлая: все – и «Гапак», и «Казачок», и любую. Кто будет? Кто будет? «Клава, иди!», «Клава, иди!», «Давай, давай, Клава!», – а у неё юбочка там абы какая.

Играет – а мы танцуем:

Казак, казачок, казак миленький дружок,

Казак скачет, казак пляшет,

Казак песенки поёт...

И так без конца – такой мотив. Этот бренчит. А этот танцует до упаду. И я танцевала-танцевала. Он уже и так, и сяк... Вся мокрая.

Так, это где-то... зима уж была, холодно, снег уже. Под 43-й год. Ещё конец 42-го года. «Танцуете же. Ну, танцуйте. Ладно...». Разрешил нам: танцуйте. А потом же домой расходиться. Как нам? Хочется же домой уходить. Вот. А тут же наш, из раздорских один, тоже его взяли в полицию, но он так, ни к чему был. Никого не убил. На вечер туда пришёл и остался. Может, года на 3, на 4 нас постарше. И говорит: «Я вас провожу домой». Я, ещё там одна девчонка – подружка была. Двоих провёл по домам.

Науменко Клавдия Семёновна, дев. Сухарева, 1923 г. р. (29 мая), 7 классов.
Запись сделана А. Ф. Балашовой в 2012 г. в станице Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области во время фольклорной экспедиции филологического факультета МГУ под руководством Т.Б. Диановой.

Меморат о комическом случае

И вот такой у меня случай был кошмарный. Нашу часть отвели на отдых. А там были где-то... я уж не помню, какой это был город небольшой. И такие бои там были сильные, что, кажется, уже ничего живого не осталось...

И откуда-то... Да, штаб расположился немножко выше, на бугорке там. А мы в ходе сообщения. Были землянки. И вдруг мне верстовой кричит: «Санинструктор, Вас вызывают в штаб». А лужок такой. Иду по лужку. Тихо.- тихо. Никакого грохота, ничего нет. И вдруг, откуда ни возьмись или козёл, или

коза – не знаю. Мне ка-ак под попу даст! Я кубарем повалилась. Глянула – вот такие рога. Я опрометью побежала. В полковой газете написали, что санинструктор немцев не боится, а от козы бегала, как будто бы за ней рота немцев гналась (смеётся – А.Л.).

– *А коза эта сбежала откуда-то?*

– Не знаю, откуда взялась. Я говорю, что ничего живого-то не оставалось там. Всё – такие бомбёжки, такие были бои, такие артиллерийские обстрелы были! Откуда взялось всё?

Вот такой случай был у меня раз в жизни. Я всегда помню. И коров боюсь. И коз боюсь (смеётся – А.Л.).

[*Далее – запись в другой день*]. Во время войны для меня вот такой эпизод был. Мы были в ходе сообщения – сидели все солдаты. И я вместе с ними: «Рая, закури!» Дальше мне свернули козью ножку. Я закурила, закашлялась, конечно. Идёт замполит и на меня, конечно, спустил собаку: «Ах, ты, такая-сякая! Как ты можешь? Если будешь курить, я тебе буду давать "Беломор"». И на следующий месяц мне дали двадцать пачек «Беломора». Я его меняла на сахар. Вот.

Однажды меня вызвали от хода сообщения. Была землянка, где дежурила телефонистка. И у них там было совещание. И зачем меня позвали на это совещание – не знаю, зачем. И парень, солдат, нашёл большие артиллерийские щипцы, большие такие, которыми снаряды вытаскивали из пушки. Если застревал снаряд, его этими щипцами вытаскивали. И он в эти щипцы зажал огромную крысу. И вот я спускаюсь – и он мне эту крысу бросил на меня, на плечи.

– *Она живая была?*

– Ну, конечно, живая! Я помню, как она бежала по моей спине. Я, конечно, кричала не своим голосом, упала прямо, где телефонистка сидела. И эта крыса тоже туда упала. И телефонистка тоже закричала. Встала на стул. Выбежали все, значит. И эту крысу стали ловить, бить. Ей некуда было бежать. Там такое замкнутое пространство. Её убили, в конце концов. Ну, а я без сознания лежала несколько дней.

– *Солдат хотел Вас напугать?*

– Да нет, просто похулиганить.

– Он из другого помещения принёс крысу или из этого подвала?

– Ой, там много было крыс! На фронте было очень много крыс. Очень много крыс. Потому что лежали неубранные трупы. И они, конечно, разлагались. Вот это один случай на фронте.

А второй случай – коза мне... Нас на отдых отвели. Это было на Украине где-то – я уж не помню. Там были такие бои! И нас отвели на отдых. И штаб переехал – лужок такой. Наверх туда, значит, переехал. А мы находились в землянке. Меня вызвали в штаб. Я иду по этому лужку – тихо. Ну, кажется, такие были бои! Я иду спокойно. Вдруг как мне даст под попу! Я заковырялась, конечно. Обернулась – вот такие рога! Я опрометью помчалась. А потом в полковой газете написали, что санинструктор от немцев не бегал, а от козы – как не знаю...

Васильева Раиса Васильевна, 1922 г.р. 2 курса медицинского института. Окончила после войны Плехановский заочный институт. Работала главным бухгалтером. В годы войны работала санинструктором. Запись июня 2010 г., Москва. Личный архив автора.

Семейное предание

Интересный ещё такой случай про деньги – когда из деревни моего деда (деревня Сивково) и один мужчина (получается, брат моей бабушки, получается, шурин моему деду) – он, когда воевал, в Польше был. Нашёл чемодан денег – там десятки, двадцатипятирублёвки были. Набил два вещмешка. Один вещмешок отдал, получается, своему ротному, наверно. Чтоб тот его отпустил в отпуск. И он его отпустил на 15 дней. А там получается: когда ты едешь в отпуск, в отпуске не считают время поездки. Ты приезжаешь в военкомат – тебе штамп ставят: ты приехал на 15 дней. Он приехал. А до этого он, получается, в армию не шёл, а на базар ходил – просто щипачом был. А там облаву устроили.... На базарах, вокзалах. То есть те, кто без справки, без документов об освобождении, увольнении, силой отправляли на фронт. Вот так же отправили на фронт. А потом он вернулся к своей шайке, туда вот, в город Петропавловск. А там его как раз эта шайка встретила, с которой вместе он работал. В общем, загулял немного. И по

тем временам, когда уже прошло больше 15-ти дней, месяц, звонит военкомат. Его приехали, искали по городу, нашли и дали, получается, по тем временам два года давали или три – за опоздание. И вот он потом отсидел. Деньги советские, получается. Немцы, когда отступали, они с собой не вывезли.

Вот. И ещё одну историю про «языка» могу рассказать. Она такая короткая. Я её почему-то забыл. Когда, получается, дедушка ходил в атаку – танковая атака, короче, произошла. И когда пробиваешь, ну, как я понял, часть, первый эшелон, второй, ну, вот, собственно, проходишь траншею, то некоторые силы остаются – или бегут контуженные, или остаются ранеными. И вот, когда поймали они одного «языка»... Интересно, ведь «язык» бывает разный по ценности. И вот от ценности «языка» иногда просто зависит награда. Да, такая была обычная награда – медаль «За отвагу». Как я понял, самая большая награда – медаль «За отвагу» для обычных солдат...

А, ещё очень интересно, что немцы, когда шли в атаку, у каждого были собственные часы, галеты в рюкзаке у каждого и гармошка губная. Часто, когда перед атакой или когда фронт близко, армия обедает, в ожидании, или окопались – ждут, часто раздаётся немецкая гармошка. Интересно?

Попов Владимир Сергеевич, выпускник филологического факультета Казахского филиала МГУ, 1988 г.р. Запись 2010 г. Личный архив автора.

Меморат о жизни и войне. Французская причёска

...Стирали, штопали, зашивали. Дюже ничего. К французам же дюже не ходили. Захотели молочка – пошли к французске. Взяли баночку, пришли.

Она спрашивает: «Что хотите?» Мы показываем: молока, значит, хотим. <Движениями> как корову доить. Показали. Она: «Уй, уй, уй, уй». Это по-ихнему «да, да, да», поняла – «ком при» по-ихнему. По-немецки – «ферштейн», а по-ихнему – «ком при». «Ком при! Уй, уй! Ком при: да, да, поняла». Молока нам налила.

Что-то нам надо было делать: порезать. У нас же ни ножней, ну, ничего не было. Пошли, вот так на пальцах, показываем. Дала.

Когда нас гнали туда, во Францию, нас в бане повывымыли, тут у нас вшей травили чем-то. Моей подруге в глаз попало – думали, что она кривая будет. Дуже ело, какая-то ядовитая.

В бане нас вымыли, привезли туда. А там мы сами стали головы мыть. Там, оказывается, ж солёная вода. Там же пролив, де Кале.

У мене волоса вот такие-то. Щас у меня волос одна пятая часть осталась. У меня были густые. У мене коса одна была больше, чем во. Косы какие были!

Не сохнуть. Вымыла: мокрая голова, и зачались вши. Вот скребу.

– Девки, – говорю, – лихо. Голова моя чешется. Посмотрите.

– Ой, ой, сколько у тебя гнид!

И то маленькие, маленькие, из гнид появляются эти лойзы. «Лойзы» по-немецки – «вши».

А что делать? Ну, что делать? Живой человек. Надо у немца просить денег. Нам же никто ничего не платил. У нас же ни марок дойч – ничего. Ну, пришёл он: «Да, да, да».

Я ему говорю: «Во, волоса, ну, не сохнуть».

Как кониный хвост, твёрдые какие-то, и во и ё! Я говорю: «Всё, я не могу. Ни спать не могу ночью: голову расскребляю».

И пошли: десять километров, город Сандло. А красивый! Там в магазинах всё стеклянное, там за стёклами всё вывески эти. Ну, город стеклянный. Ну, его американцы разбомбили, когда нас отправили в марте в Германию.

Мы уехали. Мне потом рассказывали ребята. Был у меня брательник. И приехал тоже он пацаном. Ему было четырнадцать годов – его забрали. За лошадьми ходил, чистил. Коня чистил. Был вместе с солдатами. Нас, этих баб четверо.

Сперва мы зашли в фотографию. Думали, тута. Я поток взяла закрытый, показала: во надо отрезать. «А! Уй, уй, уй!» – значит, пойдём. Мы ж не знаем – ни читать, ничёго. Привели – кругом зеркала! Как зашли – это где причёски делают.

Вымыть голову. Вымыли мне. Чёрная вода текла с головы. Я как глаза открыла: всю раковину. Шампунью. А мы ж эту шампунью во сне не видали. Они как мне намылили её: там пенистое всё. Она не белая, а чёрная.

Ваське (покойному мужу – *А.Л.*) комбинзон стирала на работу. Стану стирать, говорю: «Мне так-то с головы во Франции».

Вымыли мне, высушили. Уж, кажется, мне в голове ничёго нету. Тяжесть пропала вся куда-то. Нету. Вот заплели мне косы. А я потом им говорю, показываю: вот так-то вот. Лойзы – по-немецкому. А по-французски я не знаю. По-нашему – «вши», там – «лойзы». Они стали: «Уй, уй, уй!» Что там гниды. Когда вымыли голову, и мене опять чем-то смазали, какой-то мазью. Надели мне резиновую какую-то шапочку.

Ой! Я вот так-то вот скребла!

– Зина, – говорю (её тоже звали, какая со мной ходила), – караул! Чешутся! Не могу!

Разговариваю с ей. Они ж ничё не знают (т.е. французы не понимают русскую речь – *А.Л.*). Они увызали и посадили мене, наверно, минут на десять – на пятнадцать. Аж я вот так-то вот кулаки сжала – и терплю. Потом-то вот тише, тише, тише. Наверно, сдыхать стали. Они ж там ворочались. Всё на мене, всё ворочалось. Потом тихо-тихо.

– Всё, – говорю, – Зин, наверно, подошли все.

Снова мою голову мыть. Потом чесальники такие. И мои волосы расчесали – до гниды всё повыбросили, всё сняли. А потом уже косы заплели и отрезают.

Газетку на окошку постелили, и положили, такие-то длинные, толстые. Положили две косы.

Потом журнал дают:

– Какое тебе сделать?

Ну, я попроще какую. Что мне? Куда мне?

Сделали, уложили. Какие-то бумаги, ясные, потом прижимки. Потом колпак – или пересушить. Высушили. Расчесали: вот! Это хвала.

Я так: «Ой!» (увидела свою «шапку» разлетающихся волос – *А.Л.*)

– «Ничё, ничё, значить, не волнуйся».

Я говорю: «И во и ё». Тут надо её приляпывать, опять водой мочить. Завили первый раз, потом укладку сделали.

Я говорю: «Зин, это не я! Сама себе не узнаю. Вот».

Сделали укладку, и сеточку русые (у мене русые волосы были) надели. И во неделю (на пальцах – *А.Л.*) считают: не мыть, ходи, спи, как без завивки. Неделю так-то хожу. А потом мне написали по-своему. И говорить:

– У вас там (даже сказали дом номер), написали адрес ближайшей парикмахерской.

Во Франции вот так-то мне мыли голову. Двадцать феников отдавали – копейки. А эти, когда стали собираться, мне говорить:

– Бери косы.

– Не, – говорю, – от оны мне не надо. Мне голову надо домой привезть. Куда же я буду с собой возить? Зачем ёны мне?

Они с меня копейки денег не взяли, что они мне вшей потравили. И всё.

– Не-не, – говорят, – мне твои деньги не надо.

А я себе купила на платье материала, купила на юбку.

И тоже на рынок пришли в этом Сандлу. Раскладывает. Такая красивая, я думаю. А сколько стоить – не знаю.

По-немецки понимали. Я показываю деньги: мне во эти четыре метра надо! Вот.

«О! Гут! Гут!» – отвечают: хорошо. Меряют. И мне сдачу дают, ещё у меня деньги есть. Тогда мне понравилась шерсть чёрная на юбку. Подхожу и говорю: мне на юбку надо (жестами показывает – *А.Л.*). Деньги подаю все, у мене на руке. Если не хватить, значить, не дадут.

Хватает. Шелещут ещё там мелочи. Я отдаю: ну, зачем ещё там мне?

Так что купила – и на юбку, и на платье – вместо кос. Продала, одним словом, косы. Потом мне было хорошо: ни вшей, ничего. А в Германии – тут совсем другое...

Гурова (дев. Савкина) Зинаида Яковлевна. 1924 г. р. Родилась в д. Садовище, 6 классов. В годы войны была угнана в Германию, где полюбилась хозяйке за хорошую работу. Сейчас живёт в поселке Бетлица Куйбышевского района Калужской области. Запись сделана А.Ф. Балашовой в 2008 г. во время фольклорной экспедиции филологического факультета МГУ под руководством Л.Ф. Миронихиной.

Меморат о военном детстве (примета, связанная с конкретной судьбой и началом войны; Гитлер как бранное слово, весть о Победе и др.)

Папа у меня ушёл на войну. Я единственное, что помню, это общий такой плач в деревне: все кричат, плачут. Провожаем отцов там, жёны молодые. Мама осталась двадцати семи лет вдовой. И трое детей на руках. Вот такая была картина. Все ушли на фронт. И вот всё на устах-то Гитлер, но ничего не знаем. Из дедушкиных только рассказов да из газеты. Знаем, что главный враг – это Гитлер, не Германия – ничего мы не знаем, ничего. Гитлер, Гитлер. И вот ругательское слово это у нас стало. Если кто у нас надоел ли насобил ли: «Ты, как Гитлер!» Вот так вот все называли.

И тётя у меня выходила – папина сестра (он из богатого житья был, мама – из бедного). Так и очень пышная свадьба по тем временам была. Её везли на лошади в карете (ну, не карета, там пошевни как, не знаю, назывались) с этой – с повети. Поветь ведь знаете? По звозу-то спускались в запряжённой лошади. Это упряжь такая богатая, это всё своё. И вот, велик ли звоз ли, три-то метра, да, всего-то. Спускались. И среди этого звоза, в середине этого звоза, распряглось всё. Понимаете? Распряглось это свадебное-то. И вот все заохали. Народ-то, конечно, тут провожал. И всё такое. «Ой, беда будет, беда! Что-то неладно предвещает!»

Ну, во-первых, война-то потом началась – это одно.

Во-вторых, тётю муж нарушил. Убил. Понимаете, это потом, через много лет. Уж двое детей было. Ну, деспот тоже вот такой был. Так вот.

Потом – ну, тут же Гитлера ещё не знали, ничего – а потом, как только это случилось, так ему прозвище было *Гитлер*. Вот этому дядьке. Он умер. Умер лет пять назад. Всё время – молодые-то поколения уже этого не знали – а мы-то вот: я

от мамы это, от бабушки – «Вот он, Гитлер». И вот какой-нибудь мальчишка дерётся там с нами, колотит нас: «Ты как Гитлер! Вот» Вот о войне-то у нас что такое.

– *Про этого Гитлера расскажите. Он отсидел за тётю-то?*

– 6 лет, по-моему.

– *А за что он её?*

– Он загулял, запил – она была на третьем уже беременная, у неё двое детей. Дети двоюродные эти мои. Вот она год-то назад умерла, последняя-то дочка. И он её беременную-то уже на больших сносках-то – вырыл во дворе во своём яму. Никто не знал. Он говорит: «Я погреб буду делать. Я погреб буду делать». Она пошла корову доить с этим, с подойником-то. И он там во дворе-то в этом, в хлеве-то в этом, в эту яму толкнул и закопал. Всё... Уничтожил. И его сколько – наверно, полгода же искали. Не его искали, её искали-то: не знали ничего этого.

– *А дети как же?*

– А дети дедушке сразу привезли в другую деревню. Это в Шотовой ведь было дело-то, в Шотовой. Слыхали? Рядом-то вот там с Карповой (Карпогоры – А.Л.).

И теперь этот дом, этот хлев есть всё теперь. Так вот это на век было в нашем районе – на целый век такое событие единственное. Теперь-то этого бы никто не устрасился: теперь каждый день происходят такие беды.

Ну, к чему мы говорим? Про войну-то. Вот и Гитлер. И вот мы, значит, потом. Гитлера мы знали. Кстати, нам, когда папа уехал на войну, он у меня был передовой человек, по тем временам тоже считается, он председателем колхоза работал и выписывал какие-то журналы такие политические, да. И приходили стали по почте сатирические такие журнальчики. Такие небольшие книжечки цветные, и там это всё время карикатуры на Гитлера и на немцев. И вот этот журнал я всё с собой таскала. Мы играем. Мне уже вот семь – восемь лет. На песочке играем. У нас там гражданская война была в 18-м-то году в Земцове. И остатки этих окопов есть там. Мы знаем, что там война была, военные действия. И мы там играем на этом месте, как всё равно. И вот мы: «Гитлер там». Клеймим.

Как мы будем над ним издеваться? Я этот журнал приношу. Он там в страшном виде, конечно. Не сохранился вот. Ну, наверно, дом, когда перестраивали (тогда и выбросили – *А.Л.*), вот теперь бы! По-теперешнему бы я бы всё это сохранила!

И вот мы «казним» его там. Кто только какую казнь не придумает этому Гитлеру. Вот в войну. С утра и до вечера. Ну, вот. Мы на работу-то тогда много не ходили, только колоски собирать ли что. Телом-то. Ну, маленькие ещё были. Ни садика, ничего нету дак. Вот тут на песочке сидим, войну-то клянём. Вот папа приедет!

И дальше... Живём бедно, худо, от всего вдали. И вот мы говорим: «Вот война кончится – всё ждём! Завтра, наверно, кончится! Завтра, наверно, кончится!» А откуда узнаешь? Не узнать! «Тарелки» то (о радио – *А.Л.*) ещё не было, где узнать-то можно было, говорила о которой я.

Ну, и мы, значит, говорим: «Вот кончится война, мы уж тогда заживём! В первую очередь мы накупим мячиков себе, сколько хочется, всем чтоб достался». Потому что один мячик был на всю деревню, у меня только: мне из Ленинграда послали. И вот: мячиков накупим. Во-вторых, конфеты, говорят, какие-то есть – «подушечки». Так мы уже несколько ящиков накупим. Все будем есть! Досыта наедемся! Вкусное, наверно, очень.

Вот, смотрите-то, какое детство было. Вот так и сидим вот днями, Гитлера «казним» да мечтаем. Что будет дальше. Ой, бы нам теперь Гитлера-то привезли, да мы кверху ногами-то бы его повесили да вытыкали глаза и так далее. И такое (плачет – *А.Л.*).

А потом, помню, конфеты-то первый-то раз увидели, ой, малы ещё были. Наверно, в пятый класс ходили. А всё картошку сажать, когда что посылно в колхозе, так мы все на поле. Все: колоски собираем, картошку сажаем, сорняки убираем. И вот мы картошку сажали. Я, как теперь, помню: красивый день, тёплый. И все малыши там собраны наравне с взрослыми.

И вдруг бежит меня помоложе парень-то. Бежит и вот так кричит на всё поле, он не был с нами, а тут появился откуда-то: «У меня-то чего есть!» На всю околицу кричит эту (показывает сложенные «лодочкой» ладони – *А.Л.*). На поле-

то: «У меня-то чего есть!» Мы все бросились – и стары, и малы: что у него тут есть, что несёт-то вот так. Взглянули, толкаемся. Всем хочется, охота увидеть. Много нас тут. Оказывается, там, в кулёчке маленьком, вот в таком-то в кулёчке, я не помню, в чём, в бумажке ли, я не знаю, несколько вот этих конфет, «подушечек», где впервые мы их увидели. И что это значит, понимаете? Ему мама дала, мама у него работала где-то там, в общем, ей кто-то подарил. Провозили вот эти конфеты в лесопункт. Мы-то в колхозе жили, у нас ничего не было, я не знаю. А там это иногда бывало, наверно. И вот ему мама на... подарила. И он сам-то не съел. Несколько там, наверно, штук-то, немножечко, пять ли шесть ли было. Он, значит, показать нам пришёл: вот, какой он богач. Вот, что значит. Мы тут все насмотрелись. Бабушка подошла ево она тоже. С нами она тут тоже. Бабушка молодая была. А мне казалось, старая, дряхлая. И вот она, значит, говорит: «Борихо! (а нас не угощает, никого) Борихо! Дай-ка хоть мне одну!» Он и говорит: «Сам крайню хочу!» (смеётся – *А.Л.*) Вот что значит война: «Сам крайню хочу!» Никому не дал. Я не знаю, дал ли, нет кому. Нас куча тут была. Но мне, по крайней мере, не давал. И бабушке не дал даже.

Ну, и этот Борихо и теперь ещё жив. Мы с ним встретимся (я давно его не видала), я забыла, была когда-то встреча, ему про это сказать. Помнит он это или не помнит, наверно. Говорит: «Сам крайню хочу!» – какой Борихо! Вот, что значит война. Не будем больше в эту тему заставлять.

– Расскажите, как узнали про Победу?

– Про Победу? Я в четвёртом классе учусь. Пионерка, отличница, митинг какой-то. Солнечный день утром, школа с нами рядом, соседний дом. Так мы зимой-то, у нас нечего обуть-то, бегали босиком-то в школу-то. Не только у нас, у всех. Дак нам всё завидовали: «Ой, как вам близко бежать в школу то: ноги-то не отмёрзнут!» Понимаете?

А печка-то русская. Такая печка-то русская в школе (показывает рукой на свою печь – *А.Л.*). Как мы в школу-то прибежим, так сначала ноги отогреваем, на печь-то заберёмся. отогреем ноги. Учительница: «Так полезайте все на печь!» А потом уроки начнутся. Вот так, вот это тоже война...

И вот ясный такой день, тепло! Солнышко! Прибежали в школу – учительница (ни радио, ничего нету, не начиналось тогда): «Война кончилась!» Мы не знаем, что делать, орать, смеяться или плакать ли что ли чего. Она со слезами на глазах: «Война кончилась... давайте...». Не помню, что уже тут она сказала. Надо идти. Тут митинг будет у нас... Посреди деревни трибуна деревянная стоит. И вот она говорит: «Валя!» – она написала на бумажке мне. – «Ты выступишь на трибуне». «Господи! Что это такое? О чём я буду выступать? Я не знаю, о чём и сказать. Про Гитлера что ли говорить? Ну, я не знаю». Я тоже плачу, папы-то нету. Похоронка-то давно пришла, не похоронка – «без вести пропал».

Кто плачет, кто что. Ну, и ладно. Я моментом прочитала эти три предложения ли четыре. Я запомнила их, конечно, мне не надо бумажку. И пошли туда. Все строем идём. Такие радостные все. Там уже народ собрался, и вдруг я лезу на трибуну, а трибуна, там на лестницы такие. Я думаю: «Хоть бы мне не упасть. Тут столько народу. Да перед ними что-то говорить. Да не забыть бы эти слова-то – главное». Встала. Галстук, помню, развевается! Что ты! Важная такая! Ведь Гитлера уже не будет (смеётся – *А.Л.*). И сказала эти слова-то. Помню: все – кто плачет, кто что. Захлопали тут чего-то такое. Вот то я очень хорошо помню.

– А какие слова-то?

– Ну, там, наверно, слова Коммунистической партии ли что. Я не помню теперь-то. Там-то я переживала, чтобы мне не забыть.

Ну, вот, не знаю, чего-то такое. Наверно, четыре предложения ли пять ли, по-моему. И больше я ничего не помню. Помню, все плачут. Вот это хорошо запомнила. И домой нас отпустили. Победа... так мы встретили. Радио-то мы не знаем, не слушали. Ак ведь радио-то одно было. Эта тарелка только одна ведь в конторе, в колхозе. В конторе колхозной. Надо идти туда, всех затолкать.

Домой, конечно, пришли. Помню: мама-то плачет, плачет, что папа-то не придёт. А мы всё ещё думаем: «Ну, теперь Гитлера-то нет, дак папа вернётся. Без вести пропал – дак, наверно, домой приедет: разрешат-то ему выехать-то оттуда». До сих пор нет.

Первушина (дев. Минина) Валентина Петровна, род. в д. Земцово, 75 лет, учительница русского языка и литературы, директор школы. 1935 г.р. Архангельская область. Пинежский район, деревня Кушкопала. Записано в диалектологической экспедиции филологического факультета МГУ 9-30 июля 2012 г. Запись И.Б. Качинской. Расшифровка с видео А.Ф. Балашовой.

Таким образом, приведенные нами тексты позволяют пережить вместе с рассказчиками яркие воспоминания, запомнившиеся на всю жизнь эпизоды, увидеть влияние войны на быт, дальнейшую жизнь, отношения между людьми. Здесь и восприятие войны ребенком, и подростковые впечатления, и переживания взрослого человека, и передача запомнившегося рассказа внуком или правнуком свидетеля военных событий в собственной интерпретации.

Многие пережившие войну русские люди, несмотря на трагические потери, гибель родных и близких, перенесенные унижения и раны, увиденные зверства фашистов, не озлобились, наоборот, проявляли сочувствие к поверженному врагу. И война для каждого человека была своя: для одних – ужас концлагеря, для других – и светлые воспоминания о знаковых встречах и памятных местах, радость от возможности перехитрить врага, спасти свое добро.

Свидетели военных лет видели в захватчиках и оккупантах разных людей. Они отличали карательные отряды, уничтожавшие людей целыми деревнями, от рядовых солдат, у которых были свои семьи. Кото-то из солдат армии-захватчика относился к местным жителям не как к бесправным существам низшего разряда (или касты), а вспоминал своих детей – ровесников увиденных и даже (что очень редко, но встречалось) ценил красоту местного быта, старинных нарядов, народных песен. Примечательно, что нередко в записях говорится о том, что особенно злыми из числа захватчиков были даже не немцы, а финны, венгры и свои предатели-полицаи.

Практически каждый нарратив может стать сюжетом для написания повести, романа, а также интересного сценария для спектакля или кинофильма, взять на себя функции начала классного часа или урока мужества в школах и вузах. Люди разных профессий, разного возраста, разного социального положения и

вероисповедания (в том числе атеисты) жили верой в победу над врагом, надеждой на возвращение с фронта близких людей и огромным желанием, чтобы ужас войны не коснулся их детей и внуков. Очевидцы страшных дней войны как никто другой знают и призывают нас извлечь трагический урок из этих событий, чтобы «коричневая чума» никогда больше не посмела появиться на свет, а освобожденная Европа с благодарностью помнила о подвиге советского народа.

Список литературы:

1. Балашова А.Ф. Коммуникативная природа народных рассказов на примере текстов о Великой Отечественной войне в небесных знамениях // Коммуникативные исследования. 2014. № 1. С. 233-240.

2. Балашова А.Ф. Представление о чуде в нарративах о Великой Отечественной войне // Вторая мировая война в славянских литературах и языках. Тезисы докладов международной научной конференции, 10-11 ноября 2015 г. М.: Инслав РАН, 2015. С. 9-10.

3. Балашова А.Ф. Природные и метеорологические приметы войны. Лаборатория фольклористики РГГУ [Электронный ресурс] // Ruthenia [сайт] 2021. URL: <https://bit.ly/3wtgYde> (дата обращения: 15.05.2021).

4. Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

5. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.

6. Эпоха Второй мировой войны глазами переживших ее детей. Публикация Л.Н. Юсуповой (Петрозаводск) // Клио. 2007. № 1. С. 3-11.

Сведения об авторе:

Лицарева Александра Федоровна – соискатель МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель колледжа «Царицыно» (Москва, Россия).

Litsareva Alexandra Fedorovna – graduate student of Lomonosow Moscow State University; teacher of “Tsaritsyno” Moscow College (Moscow, Russia).

E-mail: alya-alya@yandex.ru.